

Т.В. Бушнева

Предсмертные песни *дзисэй* в контексте древней японской поэзии

Данная статья посвящена рассмотрению одних из наиболее ранних японских предсмертных песен (*дзисэй*), сложенных древними героями и поэтами.

Ключевые слова: японская поэзия; *дзисэй*; Манъёсю; Нихон сёки.

Принято считать, что традиция создания предсмертных стихов получила особое развитие в Японии ещё в Средние века. Поэты, буддийские монахи и воины-самураи, предвидя собственную смерть, слагали короткие стихи (*дзисэй-но ку* — «предсмертный стих», *дзисэй-но ута* — «предсмертная песня»), в которых передавали свои последние чувства и переживания. Предсмертные стихи писались и в поэтической форме китайских стихов *канси*, а позже — и в форме трёхстиший — *хокку*. Однако большинство из них было сложено в форме пятистиший — *танка*.

Научные изыскания отечественных и зарубежных учёных свидетельствуют о том, что корни этой поэтической традиции необходимо искать в древнеяпонской литературе. Вот как об этом пишет американский японовед А. Моррис: «Традиция прощальных поэм берет свое начало в наиглубочайшем прошлом страны, и вряд ли хоть один японский герой, начиная с Ямато Такэру в легендарные времена и до пилотов-камикадзе в недавнем прошлом, умирал, не оставив поэтического прощального слова миру. Такие стихи редко бывали высшего сорта, однако, как бы эти речи расставания ни уступали в элегантности и просодическом мастерстве, они всегда отображали искренность чувств, отличавшую истинного героя» [7].

Исходя из вышесказанного, представляется целесообразным более подробно рассмотреть одни из наиболее ранних *дзисэй*, сложенных древними героями и поэтами. Первое предсмертное стихотворение принадлежит легендарному богатырю Ямато Такэру (рубеж I и II веков н. э.), сыну императора Кэйко (71–130). Согласно древнему японскому своду «Нихон сёки», принц Ямато Такэру по настоянию своего отца участвовал во многих экспедициях по подчинению мятежных варварских племён и «наведению порядка в стране», благодаря чему снискал всеобщую славу. Он бесстрашно и умело справлялся со всеми возникавшими опасностями и преградами.

Возвращаясь в родные места из очередного похода против восточных племён *эмиси* («варваров»), Ямато Такэру встретил на своём пути жестокое и хитрое божество горы Ибуки. Отважный принц решил сразиться с чудовищем без оружия и не взял с собой свой непобедимый меч Кусанаги — священную реликвию,

полученную им от жрицы культа Амаэрасу. Разгневанное божество обрушило на Ямато Такэру ненастье. Поднялась сильная буря, гора покрылась туманом, но принц, не останавливаясь, продолжал свой путь. В конце концов чудовище отступило, однако герой был страшно измучен и обессилен. Достигнув равнины Нобо в северной провинции Исэ, Ямато Такэру сложил свои прощальные песни и умер [3: с. 251–256]. Наиболее известные из этих песен — первая и последняя:

倭は国のまほろばたたなづく青垣山隠れる倭しうるはし — «Земля Ямато — / Лучшая в стране. / Гор зелёные стены / Нависли одна над другой. / Окружена горами / Прекрасная земля Ямато» (пер. А.Н. Мещерякова).

嬢子（をとめ）の床の辺に我が置きし劍の大刀その大刀はや — «Возле постели / Женщины / Лежит / Мой меч. / О, этот меч!» (пер. А.Н. Мещерякова) [5: с. 18].

«Окружённая зелёными горами, прекрасная земля Ямато», о которой говорится в первой песне, — это юношеское воспоминание принца о родных местах. Всю жизнь он провёл вдали от дома в бесконечных сражениях, и вот, когда пришла пора возвращаться обратно, жизнь Ямато Такэру неожиданно приходит к завершению. В предсмертный час в памяти героя всплывают милые сердцу места, за которые он так боролся, и где его ждала семья [2: с. 3–5].

В последней песне принц вспоминает об оставленном мече Кусанаги. По словам А.Н. Мещерякова, этот меч являлся своего рода воплощением жизненного духа Ямато Такэру: «...свойства героев эпоса, равно как и мифа, определяются в значительной степени набором тех чудесных предметов, которыми они обладают. Теряя их, герои становятся беспомощными» [5: с. 18]. Таким образом, повествуя в песне о мече, Ямато Такэру, по-видимому, тем самым сокрушался об утрате жизненных сил и о своей печальной участи.

Совершенно другое, можно сказать, даже назидательное настроение содержат последние слова принца-регента Сётоку Тайси (574–622), записанные в храмовых летописях «Дайандзи гаран энги» на старом письменном языке камбун. Вот более современная их интерпретация:

財物は亡びやすくして長く保つべからず。ただ三宝の法は絶えずして長く伝ふべし — «Богатство хрупко и недолговечно! И лишь учение о Трёх Сокровищах — вот то незыблемое, что должно передаваться из века в век!» [2: с. 6].

Сётоку Тайси, сын императора Ёмэй (518–587), вошёл в историю Японии как истовый покровитель буддизма. В качестве регента при императрице Суйко (554–628) принц Сётоку провёл множество реформ, направленных на создание централизованного государства, идеологической основой которого стал буддизм.

Сётоку Тайси всячески содействовал распространению новой в те времена для Японских островов религиозной доктрины. Благодаря его поддержке в стране повсеместно строились буддийские храмы. Кроме того, принц-регент Сётоку составил толкования к нескольким сутрам. Так, он впервые в японской истории произнёс буддийскую проповедь о сутре «Сёмангё». Это кардинально

изменило отношение к тексту как таковому: «стали возможны его парафраз, компилирование из нескольких источников, комментирование» [5: с. 41].

Насажение буддийской доктрины стало одной из главных идей в жизни принца. Даже будучи на смертном одре, он говорил о своём искреннем желании всеми силами содействовать дальнейшему укоренению и процветанию буддизма в стране. Согласно предсмертной песне принца Сётоку, всё в этой земной жизни временно, в том числе и человеческая жизнь. Лишь только «учение о Трёх Сокровищах» является вечным, истинным благом. Последние слова принца — это не грустное прощание с жизнью, а скорее послание будущим поколениям.

Обращает на себя внимание и тот факт, что предсмертные песни как поэтический жанр нашли свое место и в первой японской поэтической антологии VIII века «Манъёсю» («Собрание мириад листьев»). Второй свиток антологии открывают две предсмертные песни, принадлежащие перу принца Арима (640–658), сыну императора Котоку (597–654).

После смерти отца, Арима в возрасте 19 лет вступил в заговор против принца Наканооэ, будущего императора Тэндзи (626–671), известного по проводимым им реформам Тайка. В результате принц Арима был обвинён в мятеже и схвачен. Принца заключили под стражу и повезли в Муру на побережье полуострова Кии, где в то время находился Наканооэ. В провинции Ивасиро, по дороге, проходящей среди вековых деревьев, Арима сложил две свои предсмертные песни:

磐代の浜松が枝を引き結びま幸くあらばまた帰り見む — «Ветви пышные сосны прибрежной / Здесь, в Ивасиро, я завяжу узлом, / Если счастлив буду я в судьбе мятежной, / Снова к ней вернусь / И на неё взгляну!» (пер. А.Е. Глускиной) [1: № 141].

家にあれば筈に盛る飯を草枕旅にしあれば椎の葉に盛る — «Если был бы я дома, / Я еду положил бы на блюдо, / Но в пути нахожусь я, / Где трава изголовьем мне служит, / Потому и еду я кладу на дубовые листья» (пер. А.Е. Глускиной) [1: № 142].

Совершенно очевидно, что песни принца Арима значительно отличаются от песен Ямато Такэру и принца Сётоку Тайси. В них нет идей государственности или рассуждений о бренности бытия. Наоборот, они больше тяготеют к ритуально-магической бытовой тематике. Не случайно в первой песне отражён обряд завязывания трав и ветвей деревьев (*куса-мусуби*), который в те времена был в Японии обычной практикой. Именно так тогда привлекали удачу, молили о счастье, благополучии, а также просили об исполнении желаний. В комментариях к песням «Манъёсю» А.Е. Глускина предполагает, что народный обычай *куса-мусуби* первоначально представлял собой магический акт удержания в теле человека души-*тама*, т. е. его жизненного духа. Не исключено, что печалась о своей судьбе, принц Арима совершил этот обряд в надежде на помилование. Однако вскоре он был безжалостно казнён.

Второй плач — это поэтическое послание к своей молодой жене. Как и в первой песне, здесь очевидна опора на магические ритуалы, совершаемые в то время в японском быту. Так, в песне повествуется о еде как о жертвенном подношении богам. Такие подношения во время ритуала было принято класть на специальное блюдо. Однако принц Арима находился в пути и вынужден был просить богов о благополучии, совершая жертвоприношение на дубовых листьях [2: с. 9–11]. Вероятно, песня запечатлела последнюю надежду принца на спасение, последнюю и иллюзорную надежду. Он так молит богов о благоприятном исходе, что, пренебрегая этикетом, всё равно совершает обряд подношения богам, хоть даже и на дубовых листьях.

Широкую известность также получила предсмертная песня выдающегося поэта «Манъёсю» Какиномото Хитомаро (конец VII – начало VIII века). О его жизни известно немного. Какиномото Хитомаро имел невысокое звание и служил при дворе императрицы Дзито (645–702), а позже при дворе императора Момму (683–707). Настоящую славу и признание он получил благодаря своей поэзии, главным образом, одам и элегиям, сложенным в жанре *нагаута* — «длинная песня». Большинство поэтических творений Хитомаро вошло в антологию «Манъёсю». Среди наиболее известных — песня на смерть жены и песня о заброшенной старой столице. Также особую ценность представляют народные песни в литературной обработке поэта [4: с. 170; 2: с. 13–14].

Последние годы своей жизни Хитомаро провёл в далёкой провинции Ивами, по-видимому, в ссылке. Предчувствуя собственную смерть и не имея возможности оповестить об этом свою жену, он сложил следующие строки: 鴨山の岩根しまける我れをかも知らにと妹が待ちつつあるらむ — «Возможно ль, что меня, кому средь гор Камо / Подножье скал заменит изголовье, / Всё время ждёт с надеждой и любовью, / Не зная ни о чем, / Любимая моя?..» (пер. А.Е. Глускиной) [1: № 223].

В песне можно выделить выражение 鴨山の岩根しまける («подножье скал Камо заменит изголовье»). Появление этого выражения в поэзии связано с древним японским погребальным обычаем, когда умерших людей относили в горы и оставляли там на скалах, не предав земле. Е.С. Бакшеев связывает такого рода обычаи с древними представлениями японцев о том, что душа-*тама*, поддерживающая жизненные силы человека, с возрастом угасает и постепенно покидает тело. Поэтому пожилой или больной человек, оказавшийся перед лицом смерти, попадал в некую «пограничную зону» и уже частично принадлежал миру мёртвых. И, наоборот, недавно умерший человек ещё некоторое время считался частью мира живых [6].

В плачах антологии «Манъёсю» можно встретить много названий реальных гор, служивших местом погребения. Среди них такие известные названия, как г. Хацусэ, г. Вадзука, г. Мива или Миморо, г. Сахо и др. В ряде таких *банка* напрямую говорится о смерти. Так, в отрывке из песни № 1801, сложенной около «кургана девы Унай из Асиноя», повествуется о том, что могила покойной была высечена в скале: 玉梓の 道の辺近く 岩構へ 造れる塚をたまほこの, みちの

のへちかく, いはかまへ, つくれるつかを — «На дороге, на пути, / Что отмечен был давно / Яшмовым копьём, / В твёрдой каменной скале / Сделана могила ей» (пер. А.Е. Глускиной) [1: № 1801].

В некоторых плачах-банка поэты прямым указанием на смерть предпочитали лирические выражения, говорящие о смерти намёком. Это придавало песням большую поэтичность и изящество. Так, в песнях-банка принцессы Тамоти, которые она сложила во время похорон своего возлюбленного, принца Коти, повествуется о месте его погребения — горе Кагами. В отрывке одной из песен принцесса говорит о горé, как о чертоге, который принц выбрал себе в качестве последнего пристанища: ...豊国の鏡の山を宮と定むる— «...В стране Тоёкуни / Кагами-гору ты / Своим чертогом сделал ныне!» (пер. А.Е. Глускиной) [1: № 417]. Такой же приём использовал в упомянутом нами раньше плаче и поэт Хитомаро, предсмертные строки которого наполнены чувством одиночества и тоской по любимой жене.

Как видно, предсмертные песни *дзисэй* — это особый жанр древней японской поэзии. Они представляли собой своеобразную кульминацию творчества поэта, который именно в этих стихах в концентрированном виде оставил потомкам то главное, что он познал за всю свою поэтическую жизнь. Это песни, которые рождались под ассоциативными впечатлениями, основывались порою на неосознанных, а порою на очень давних воспоминаниях. Они как последняя строка, в которой хочется выразить что-то сокровенное, может быть, самое главное в жизни.

Библиографический список

Источники

1. Манъёсю (Собрание мириад листьев): в 3 т. / пер. с яп., вступл., ст. и коммент. А.Е. Глускиной. М.: Наука, 1971–1972.
2. *Морита Киро, Нисидзава Масаси*. Дзисэй-но котоба дэ сиру нихонси дзинбуцу дзитэн (Биографический словарь выдающихся личностей в истории Японии сквозь призму их предсмертных песен дзисэй). Токио, 2009. 236 с.
3. Нихон сёки — анналы Японии. Т. 1 / авт. текста: Л.М. Ермакова, А.Н. Мещеряков. М.: Гиперион, 1997. Свиток 7. С. 251–256.

Литература

4. *Глускина А.Е.* Литература III–VIII вв.: [Японская литература] // История всемирной литературы: в 8 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Т. 2. М.: Наука, 1984. С. 160–172.
5. *Мещеряков А.Н.* Герои, творцы и хранители японской старины. М.: Восточная литература, 1988. 142 с.

Интернет-ресурсы

6. *Бакшеев Е.С.* Обряд могари в истории японской культуры [Электронный ресурс]. URL: http://ru-jp.org/yaponovedy_baksheev_01r.htm (дата обращения: 05.01.2016).

7. *Morris A.* Благородство поражения. Трагический герой в японской истории. М.: Серебряные нити, 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-reading.link/book.php?book=95207>(дата обращения: 05.01.2016).

References

Istochniki

1. Ман'юосу (Sobranie miriad list'ev): v 3 t. / per. s yap., vstupl., st. i komment. A.E. Gluskinoy. M.: Nauka, 1971–1972.
2. *Morita Kiro, Nisidzava Masasi.* Dzisej-no kotoba de' siru nixonsi dzinbucu dzite'n (Biograficheskiy slovar' vy'dayushhixsya lichnostej v istorii Yaponii skvoz' prizmu ix predsmertny'x pesen dzise'j). Tokio, 2009. 236 s.
3. Nixon syoki — annaly' Yaponii. T. 1 / avt. teksta: L.M. Ermakova, A.N. Meshheryakov. M.: Giperion, 1997. Svitok 7. S. 251–256.

Literatura

4. *Gluskina A.E.* Literatura III–VIII vv.: [Yaponskaya literatura] // Istoriya vseмирnoj literatury': v 8 t. / AN SSSR; In-t mirovoj lit. im. A.M. Gor'kogo. T. 2. M.: Nauka, 1984. S. 160–172.
5. *Meshheryakov A.N.* Geroy, tvorczy' i xraniteli yaponskoj stariny'. M.: Vostochnaya literatura, 1988. 142 s.

Internet-resursy'

6. *Baksheev E.S.* Obryad mogari v istorii yaponskoj kul'tury' [E'lektronny'j resurs]. URL: http://ru-jp.org/yaponovedy_baksheev_01r.htm (data obrashheniya: 05.01.2016).
7. *Morris A.* Bлагородство porazheniya. Tragicheskij geroy v yaponskoj istorii [E'lektronny'j resurs]. M.: Serebryany'e niti, 2001. URL: <http://www.e-reading.link/book.php?book=95207> (data obrashheniya: 05.01.2016).

T.V. Bushneva

Death Poems of *Jisei*, in the Context of Ancient Japanese Poetry

The article is devoted to some of the earliest Japanese death poems (*jisei*) composed by ancient heroes and poets.

Keywords: Japanese poetry; *jisei*; Manyosu; Nihon shoki.